

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О СТАТЬЕ
«СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА»Я — АКТЕР,
ТЕМ И ИНТЕРЕСЕН

Обсуждение публикаций, посвященных творчеству киноактеров, опубликованных в центральной печати, в частности на страницах «Советской культуры», вызвало немало разнообразных откликов. Все это наводит на серьезные размышления о нашей профессии и об отношении к ней нас самих, зрителей, критики.

В статье В. Ивановой «Как трудно быть любимым» (№ 14 от 16 февраля с. г.) прозвучал упрек мне и некоторым другим моим коллегам в том, что мы стали в последнее время слишком много и неразборчиво сниматься, тиражировать однажды найденный образ.

Упрек, на мой взгляд, не по существу. Оправдываться здесь не имеет смысла, но хочется поделиться кое-какими давно выношенными мыслями на этот счет и затронуть ускользающие порой от внимания аспекты проблемы актера и роли.

Начну, однако, не с них.

Современный актер сделался, по-моему, гораздо более демократичным и доступным, чем, скажем, лет двадцать — тридцать назад. Телевидение с его «Голубым огоньком», «Кинопанорамой», «Трагическими встречами» и прочими подобными передачами вплотную приблизило фигуру актера к зрителю. До него теперь можно дотронуться, что называется, «пощупать». И в этом, как мне кажется, кроется определенная опасность утилитаризации профессии, когда исчезает необходимая дистанция между артистами и публикой. А вместе с ней исчезает и тот существовавший некогда в зрительском сознании ореол, «культ» героя экрана, за которого справедливо ратует автор упомянутой статьи.

Пусть поймут меня правильно. Я, разумеется, не против нашего, так сказать, внеигрового присутствия на аудитории. Интерес публики к живой личности артиста вполне оправдан. И то, что он сошел с экрана и театральной сцены, чтобы предстать перед зрителями в своем обыденном облике, может быть, и неплохо. Плохо другое. Участие популярных актеров в той или иной «клубной» передаче зачастую носит чисто формальный характер, и тогда они невольно начинают играть удручающую роль «свадебного генерала».

Я учился у замечательного мастера Армена Гулакяна. Он не уставал повторять, что истинное искусство, актерское творчество очень индивидуально. Работая над ролью, артист порой мыслит и чувствует не так, как он потом об этом рассказывает. Да и должен ли он так часто заниматься этим? Ведь актер может и неверно интерпретировать, проанализировать сделанное в искусстве. Тем самым иногда упрощается мучительный процесс создания образа, дается повод к легковесным суждениям о нашей работе.

Мне думается, некоторые мои товарищи по цеху стали чересчур охотно подставлять плечи и спины для дружеского, да и просто запанибратского похлопывания. В результате происходит измеление личности актера в глазах публики, девальвация его притягательной силы. Драматический артист порой превращается в некую развлекательную принадлежность телевидения, в пресловутого кумира на час...

Актер должен играть. В этом и только в этом он выражает себя как творческая личность. Этим он в конечном счете и интересен окружающим.

Но как играть? Где? И много ли? — спорят участники дискуссии о сером фильме.

Я придерживаюсь точки зрения Бориса Андреева и Михаила Кузнецова, приведенной в статье Н. Петровой «Растворился в сером фильме» (№ 30 от 13 апреля с. г.). Они утверждают, что «каждый сам определяет себе меру ответственности» и что «сегодняшний ритм не может быть таким, как, скажем, некогда во МХАТе, когда актер месяцами или даже годами работал над одной ролью».

Насколько ответственно подходит артист к своей очередной работе, изменяет он себе при этом или нет — вот в чем, по моему убеждению, заключается суть дела, а не в том, много или мало он снимается.

В искусстве это вообще понятия достаточно относительные. Я, например, не нахожу, что снимаюсь так уж много — заканчиваю одну картину, начинаю другую, иногда с порядочным перерывом (в прокате же они могут появиться одновременно). К чему-то готовлюсь долго, исподволь. Что-то возникает внезапно, вдруг...

В нашей профессии многое, как и в жизни, непредсказуемо и непрограммируемо. Тут трудно что-либо предугадать. Вчера тебя еще никуда не приглашали сниматься (у меня такие периоды бывали подолгу), а сегодня, глядишь, буквально засыпают предложениями. И соглашаешься далеко не на все...

Но так или иначе, смысл жизни любого настоящего артиста в непрерывной работе. Нужен экран. Постоянно. Лишь он проверит, чего ты в действительности стоишь, что приобрел и что утратил. В отличие от представителей других видов искусства, литературы, мы находимся в невыгодном положении — у нас ведь нет черновиков и эскизов, которые можно было бы исправлять и перерабатывать, актерские просчеты всегда налицо.

Это не значит, что я требую к нам снисхождения, заявляю: не трагуйте актеров! Напротив, я за критику, но за критику профессиональную, не «с налету», за разбор вдумчивый, аналитический, в котором чувствовалась бы открытая заинтересованность оппонента, желание помочь актеру в его поиске. А так получается, что актер и критик нередко оказываются по разные стороны баррикады, хотя дело-то ведь у нас общее.

Поиск, стремление к разнообразию и эксперименту — неотъемлемая часть актерской профессии. Их нельзя ограничивать, хотя они, естественно, связаны с ошибками и упущениями. Поэтому меня удивляет, когда со стороны пытаются устанавливать какие-то критерии отбора актером ролей, не зная движущих мотивов и внутренних побуждений, заставивших его решиться сыграть в том или ином фильме. Эти побуждения могут быть самыми различными, но при всем том они, как правило, благие. Оценки же по принципу «хорошо» — «плохо» отдают обыденскими суждениями, но, помещенные на страницах печати, обретают в глазах читающей публики непререкаемую силу. И это также представляется мне весьма опасным.

Беря в руки сценарий, мы отыскиваем в нем лучшее, верим в скрытые резервы и возможности своей роли. Никто из нас, я убежден, не настроивается заранее на скучную, неинтересную роль, в каждом отдельном случае она чем-то привлекает, манит. Судят же нас, как правило, по конечному результату — фильму, который, увы, не всегда получается таким, как его задумали. И если созданный тобой образ в готовой ткани картины тускнеет и блекнет, вина за это, право же, лежит не только на актере, но и на тех, кто осуществляет реализацию всего замысла, — сценаристе, режиссере и т. д.

Лично я ни от одной сыгранной мной в кино роли не открешиваю. Каждая из них — своего рода обогащение, движение вперед. В каждой воплотились мои привязанности, увлечения. Здесь опять-таки все, как в жизни: бывают встречи запоминающиеся, бывают и мимолетные. Но ни одна не проходит бесследно.

С режиссером Ф. Довлатяном мы познакомились двенадцать лет назад на картине «Здравствуй, это я», очень много значившей в моей творческой судьбе. А сейчас я заканчиваю сниматься у него в фильме «Живите долго», где играю роль 70-летнего старика. Мы не прибегали к сложному гриму, не старались до неузнаваемости изменить внешность. Задача стояла сыграть не возраст, а характер. И это было крайне интересно. Того же я, кстати говоря, добивался во всех своих «возрастных» ролях на экране и на сцене театра.

Очень дорогого для себя старика я сыграл не так давно в картине Э. Кеосаяна «Когда наступает сентябрь». Причем

работа над этой ролью шла у меня параллельно с репетициями «Сократа» в Московском театре им. Маяковского.

И тут же рядом — «Эра милосердия» на Одесской студии; старик-горбун, главарь банды, — и желание «попробовать» совсем иной внешний облик. Того же было интересно: а что из этого выдет?..

Захватывает процесс постижения незнакомого тебе прежде характера, вживания в нового образа. Так обстояло дело и с буфонодно-фарсовой ролью судьи в комедии «Здравствуйте, я ваша тетя», и с моим персонажем в «Премии», и с образом профессора Радева в болгарском фильме «Солнечный удар» по пьесе Г. Джагарова «Маленькая эта земля», идущей в Малом театре...

Год жизни забрала у меня напряженная работа над ролью выдающегося армянского полководца, народного героя Мхитара Спарапета в большом историческом полотне «Звезда надежды», режиссера Э. Кеосаяна. Вековые легенды создали монументальный образ этого героя, но меня прежде всего занимала задача исследовать его психологию, духовную сущность, сделать его близким и понятным сегодняшним зрителям. И работа эта также обогатила меня ценным творческим опытом.

«Присвоить и совместить» — так формулирует общую задачу актера главный режиссер нашего театра А. Гончаров. Эта задача полностью сохранялась для меня и в ряде фильмов на производственную тему. «Присвоить» надо было чужую судьбу, всегда неповторимую человеческую индивидуальность и «совместить» их со своим личным «я».

В этой связи хочу добавить, что актер имеет право на свою центральную тему, на свой сквозной образ. И попрекать его одинаковой «миной» в разных фильмах, не вдаваясь при этом в дальнейшие подробности, вряд ли правомерно. Что же тогда сказать о блистательном постоянстве экранного облика Габена или, скажем, Ульянова, Ефремова и других наших современных мастеров?.. Тут ведь речь идет о разработке мощного человеческого типа, захватывающего нас все новыми своими ипостасями, где грим, игра в имитацию, отсутствие очередной «мины» не имеют значения. Так что далеко не в каждой новой роли обязательно следует добиваться портретного несходства с самим собой, оно отнюдь не равнозначно подлинному перевоплощению. Все зависит от характера, который тебе предстоит сыграть...

Часто слышишь: «Ну зачем вам столько сниматься? У вас ведь есть театр».

Это неправильная постановка вопроса. Психология сцены и съемочной площадки различна. Актер, «заболевший» кино, не может «излечиться» в театре. Ему необходимо и то, и другое. С первым же дублем новой картины, как, впрочем, и с первой репетицией нового спектакля, ты заново осознаешь себя актером, и все для тебя начинается сначала, даже если с момента окончания предыдущей работы не прошло еще суток...

Я за ненасытность в искусстве и очень боюсь почувствовать себя «маститым» артистом. Поэтому все время стараюсь будоражить душу, не допускать успокоенности, умиротворенности, довольства собой. Думаю, настоящий актер — это в первую очередь человек без амбиций, чуждый снисходительной усталости.

Конечно, с годами начинаешь осматривательнее распределять силы. Сужается и круг вероятных ролей, как в жизни сужается круг близких друзей и привязанностей. Но, главное, ты сам меняешься от роли к роли, привносишь в них с возрастом нечто нажитое, выстраданное...

Пока я еще не приступил к новой работе в кино, однако с нетерпением жду ее и обязательно буду сниматься как можно чаще. Надеюсь, лучшие мои filmy впереди. Вот так же и на дороге жизни всегда веришь в лучшее и стремишься вперед.

Армен ДЖИГАРХАНИЯН,
народный артист РСФСР.